

На правах рукописи

УДК: 1(091)

Манштейн Алексей Алексеевич

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
РАННЕЙ ФИЛОСОФИИ А.ШОПЕНГАУЭРА**

Специальность: 5.7.2. История философии

(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт - Петербург

2024

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Обращение к рукописному наследию Шопенгауэра, которое включает одиннадцать тысяч страниц в двадцати девяти томах, покоящихся в национальной библиотеке Берлина, представляется своевременным. Особенно актуально современное прочтение этого наследия, включающее реконструкцию и интерпретацию оригинальных текстов А. Шопенгауэра. Тем более это важно, поскольку в настоящее время не только не существует полного издания рукописных трудов философа, но многие документы до сих пор просто не расшифрованы, к тому же отсутствует общий регистр, предметный и алфавитный указатели. В это собрание вошли записи размышлений философа на разные темы, конспекты его лекций и книг, маргиналии к своим и чужим сочинениям, письма, стихотворения, деловые документы. Введение в научный оборот этого многогранного наследия – актуальная задача, связанная с прочтением и переводом с немецкого на русский язык разнообразных по содержанию и жанровости рукописных текстов. Особую актуальность как вследствие особенности наследия, так и в связи с необходимостью введения в научный оборот современных методов историко-философского исследования, приобретает проблема контекста возникновения и формирования рефлексии А. Шопенгауэра, – момент, недостаточно проясненный в современном изучении философского наследия Шопенгауэра. Особое значение приобретает задача интерпретации философии А. Шопенгауэра, что связано с проблемой соотнесения раннего и позднего периодов его творчества, а также с пониманием идеи и понятия *лучшего сознания*. Можно сказать, что в настоящее время происходит процесс переоткрытия и даже реабилитации философии А. Шопенгауэра. В западной традиции несмотря на то, что работа философского общества Шопенгауэра не прекращалась с самого его основания¹, в настоящее время также наблюдается новая волна интереса к философии автора. В этом году увидит свет полное переиздание первого издания диссертации А. Шопенгауэра², активизирована совместная работа всех членов общества по расшифровке рукописного наследия³, проводятся регулярные семинары и

¹ Философское общество Шопенгауэра основано в 1911 году другом Ницше Паулем Дойсенном, который поставил перед собой задачу распространить знания о философии Шопенгауэра и способствовать ее обновлению и актуализации в пространстве современной мысли.

² Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde Eine philosophische Abhandlung. Auflage 1813 Herausgegeben von Matteo Vincenzo d'Alfonso. Philosophische Bibliothek 755. 2023. 200 s.

³ <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer>

конференции⁴. Таким образом, происходит многогранная корректировка существующих представлений о философии Шопенгауэра, определение особенностей её идей и вектора развития. Представленная работа вносит свой вклад в ликвидацию дистанции, разделяющей международную и российскую шопенгауэриану. Речь, конечно, идет не о приспособлении к западной традиции, а об адекватном историко-философском представлении о философии Шопенгауэра, учитывающем культурно-исторический контекст её возникновения и богатство рукописного наследия философа, поэтому представленная работа основывает свою реконструкцию на анализе и интерпретации неопубликованного автором рукописного наследия, которое в России, в настоящий момент, является наименее исследованной частью его философии.

А. Шопенгауэр был современником романтизма йенской эпохи, которая пыталась построить самобытную культуру на основе изучения национального наследия прошлого. В философии и метафизике того времени господствовало убеждение, что мир представляет собой отражение абсолютного духа и находится в стремлении к самому себе, национальная идея стала выражением этой метафизической веры в возможность преобразования действительности на основе абсолютных ценностей. Подобные настроения стали основой для националистического фанатизма и грубого позитивизма науки, философии, идеологии того времени⁵. Эти установки характерны и для нашей современности: актуализация исторического права, идеализация прошлого, вера в прогресс, попытки построения идентичности через обращение к идеализированным образам прошлого. Шопенгауэр видел в подобном подходе опасную иллюзию, в его ранней философии предложена своего рода альтернатива подобной парадигме. В ней заложена идея отказа от будущего, как бесконечно удаляющейся перспективы удовлетворения потребностей в идеальном государстве или загробной жизни, а также – требование мужества к свидетелю современности: видеть мир таким, каков он есть сейчас. Подобная

---

⁴ Из открытых источников можно узнать, что только за последнее время были впервые изданы переработанные лекции А. Шопенгауэра, которые он прочитал в качестве доцента в Берлинском университете, готовится к переизданию первая версия диссертации Шопенгауэра, коллегами из Университета Вашингтона организована международная рабочая группа для взаимодействия при переводе и интерпретации философии автора, профессором Р. Циммером организованы дискуссионные группы и ежемесячные лекции, Библиотекой Франкфуртского Университета совместно с Философским обществом Шопенгауэра организован «День перевода» для совместной расшифровки и перевода рукописного наследия Шопенгауэра, издана фундаментальная монография А. Новембре о становлении философии Шопенгауэра, издана работа о взаимовлиянии Гёте и Шопенгауэра Т. Регендли, проведен конкурс эссе по философии Шопенгауэра «Право и справедливость».

⁵ Horkheimer M. Die Aktualität Schopenhauers. // Schopenhauer-Jahrbuch. 1961. № 42. S. 12–26.

идея может быть представлена через обращение к особому опыту времени. Основная интенция философии *лучшего сознания* заключается в преодолении времени, направленном не только на изменчивость как таковую, но на формы существования, которые, согласно Шопенгауэру, порождает время. Согласно Агамбену, опыт линейного и непрерывного времени (альтернативу которому можно найти у Шопенгауэра) составляет основу исторического материализма и процесса историзации/темпорализации субъекта. Можно сказать, что, обращаясь к Шопенгауэру, мы обращаемся ко времени формирования истоков идеологии исторического материализма.

В самом деле, если В. Беньямин и Агамбен полагали, что в основе указанной идеологии, а также в её производных, идеологии прогресса и конформизма, находится неокантианская интерпретация кантовской концепции времени как непрерывного линейного континуума⁶, то Шопенгауэр, в сущности, сформулировал противоположную кантовской концепции интерпретацию, в рамках которой предусмотрено отрицание идеи прогресса, основанное на специфическом понимании сущности времени. В его философском проекте бескачественная, линейная, непрерывная хронология преодолевается в моральном и эстетическом опыте. В данной работе осуществлена попытка всесторонней реконструкции учения о *лучшем сознании*, исходя из его собственного генезиса при отказе от телеологического подхода, сводящего его к определенной ступени на пути развития метафизики воли.

Степень разработанности проблемы

Первые историко-философские исследования философии А. Шопенгауэра не придавали понятию *лучшее сознание* большого значения. В работе К. Фишера этот термин не упоминается вовсе⁷. Т. Лоренц и О. Вайс⁸ хотя и ссылаются на сам термин, но даже не признают его значение для развития системы Шопенгауэра. В статье Макрауэра⁹ ранние манускрипты Шопенгауэра рассматриваются исключительно в контексте истории понятия воля, а *лучшее сознание* выполняет функции более «совершенного» понятия «субъект чистого познания», в котором оно затем и растворяется. В. Шрёдер, в свою очередь, ограничивается простым и неразработанным суждением о том, что философия *лучшего сознания* является лишь выражением романтических настроений

⁶ Hamacher W. 'Now': Walter Benjamin on Historical Time // Walter Benjamin and History. N.Y.: Continuum. 2005. P. 169.

⁷ Фишер К. Артур Шопенгауэр. СПб. Издательство «Лань». 1999. 608 с.

⁸ Lorenz Th. Zur Entwicklungsgeschichte der Metaphysik Schopenhauers. Mit Benutzung des handschriftlichen Nachlasses, Diss. Leipzig. 1897; Weiß O. Zur Genesis der Schopenhauersehen Metaphysik. Leipzig. 1907.

⁹ Mockrauer Fr. Zur Biographie Arthur Schopenhauers. Vermischte kleine Beiträge auf Grund neuen urkundlichen Materials. // Schopenhauer-Jahrbuch. 1921. №10. S. 81-120.

философа¹⁰, и как бы намекает читателю о рудиментарном характере подобных установок. И даже П. Дойсен в своей статье, посвященной столетию выхода в свет главного философского труда Шопенгауэра¹¹, не упоминает понятие *лучшее сознание* в связи с генезисом этой философии. Пожалуй, первым, кто обратился к философии *лучшего сознания* как таковой был Ханс Цинт¹², и, хотя он довольствовался лишь кратким изложением наиболее важных с его точки зрения аспектов этой теории, именно у него мы впервые встречаем признание того факта, что *лучшее сознание* составляло ядро всех размышлений А. Шопенгауэра. Исследования в этой области были возобновлены А. Хюбшером¹³, главной заслугой которого, безусловно, является издание рукописного наследия Шопенгауэра, открывшее дорогу новым исследованиям: Р. Сафрански¹⁴, Ю. Камата¹⁵, статье Ф. Декера¹⁶ и, наконец, фундаментальной работе А. Новембре¹⁷. В отечественной практике необходимо вспомнить непревзойденную и единственную в своем роде работу А.С. Саттар¹⁸, в которой впервые, после фрагментов из работы Р. Сафрански, на русский язык были переведены фрагменты, посвященные *лучшему сознанию*. Итог исследований философии *лучшего сознания* был обобщен в статье М. Сигал¹⁹. Предлагаемая герменевтическая реконструкция опирается также на исследования, в проблемное поле которых включалось не только рукописное наследие философа, но и ранняя философия А. Шопенгауэра, то есть философия *лучшего сознания*. В зарубежной исследовательской литературе тема *лучшего сознания* общеизвестна, однако специальных исследований на эту тему существует немного. Тем не менее анализ рукописного наследия, можно сказать, стал

¹⁰ Schröder W. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Philosophie Schopenhauers mit besonderer Berücksichtigung einiger wichtiger frühkantischer Philosophen. Rostock. 1911.

¹¹ Deussen P. Zum Jubiläumsjahre der Welt als Wille und Vorstellung. // Schopenhauer-Jahrbuch. 1919. №8. S. 3-16.

¹² Zint H. Schopenhauers Philosophie des doppelten Bewusstseins. // Schopenhauer-Jahrbuch. №10. 1921. S. 3-45.

¹³ Hubsher A. Denker gegen den Strom. Schopenhauer. Gestern. Heute. Morgen/ Bonn: Verlag Bouvier. 1973. 355 s.

¹⁴ Сафрански Р. Шопенгауэр и бурные годы философии. М. Роузбад Интерэктив. 2014. 590 с.

¹⁵ Kamata Y. Der junge Schopenhauer: Genese des Grundgedankens der Welt als Wille und Vorstellung. Freiburg; München, 1988. 586 s.

¹⁶ Decker F. Das "bessere Bewußtsein". Zur Funktion eines Begriffes in der Genese der Schopenhauerschen Philosophie. // Schopenhauer-Jahrbuch. № 77.1996. S. 65-85.

¹⁷ Novembre A. Il giovane Schopenhauer e Fichte. La duplicità della coscienza. Diss. Mainz. 2011. 458 p.

¹⁸ Саттар А.С. Истоки и генезис философии Шопенгауэра. М. Прогресс-Традиция. 2018. 456 с.

¹⁹ Segala M. The path to redemption between better consciousness and metaphysics of will // Schopenhauer-Jahrbuch. 2017. № 98. P. 71-101.

повседневностью. В этом направлении необходимо рассмотреть и проанализировать труды А. Хюбшера, Р. Сафрански, Г. Цолера, У. Аппа, М. Косслера, Ю. Каматы, А. Новембре, М. Сегал, Д. Шуббе, К. Джанаveja, М. Альфонсо, Д. Картврайта, Н. Циан. В ходе работы также проанализированы и другие труды, посвященные философии А. Шопенгауэра, среди авторов: С.О. Грузенберг, Э.К.Ватсон, Д.Н.Цертелев К. Фишер, П. Гардинер, Б.Э. Быховский, И.С. Андреева, А. В. Гулыга, Ф. Паульсен, Т. Рибо, А.А. Чанышев, А.А. Троцак, Н.Ю. Чепелева, А.Г. Корниенко, П. Вельсен, Т. Регендли, Х. Цинг, Р. Циммер, Б. Мэги, Г. Баум, Г. Атвел, М. Руффинг. Важным источником также выступает ежегодник философского общества Шопенгауэра. Во многом, итог западных исследований подведен в изданной упомянутым обществом коллективной монографии: Schopenhauers Handbuch²⁰.

Тем не менее представляется, что цельная реконструкция ранней философии А. Шопенгауэра, особенно с учетом исторического контекста, до сих пор не проводилась, а существующие попытки реконструкции предпочитают интерпретировать ранние размышления философа в качестве одной из ступеней формирования метафизики воли. С учетом актуальности и степени разработанности обозначенной темы сформулированы цель, задачи, объект и предмет диссертационной работы.

Объект исследования – ранняя философия А. Шопенгауэра, отраженная в текстах рукописного наследия.

Предмет исследования – метафизика *лучшего сознания* как ядро ранней философии А. Шопенгауэра и варианты интерпретации ее ключевых проблем и понятий.

Целью данной работы выступает герменевтическая реконструкция ранней философии А. Шопенгауэра, а именно учения о *лучшем сознании*, как её основной части, в контексте нюансов его становления, а также в проекции замысла, отраженного в стратегии концептуализации философом определяющей идеи.

Для достижения установленной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

1. Реконструировать основную интенцию ранней философии А. Шопенгауэра через обращение к романтизму, как основному культурно-историческому контексту её возникновения.
2. Выявить и проанализировать характер и специфику влияния Фихте, Шеллинга, Шульце (в рамках Геттингенского и Берлинского периодов) на

²⁰ Schopenhauer-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung. Hrsgg. von Daniel Schubbe, Matthias Kofler. Verlag J.B.Metzler, Stuttgart/Weimar 2014. 437 s.

формирование способов аргументации и терминологии в ранней философии А. Шопенгауэра.

3. Проанализировать развитие философских взглядов А. Шопенгауэра от полемики с оппонентами до возникновения замысла философской системы.

4. Реконструировать философию *лучшего сознания* в рамках авторского замысла через описание феноменов временного и *лучшего сознаний*, объединив в единый нарратив фрагменты ранних манускриптов Шопенгауэра.

5. На основании исследованного массива источников и их перевода продемонстрировать несводимость философии *лучшего сознания* к одному из этапов становления философии воли, указать на принципиальные различия философских концепций воли и *лучшего сознания*, а также, сформулировать точку зрения, в рамках которой возможен синтез приведенных позиций

Методология

Принцип предпринимаемой герменевтической реконструкции заключается в том, чтобы учение о *лучшем сознании* понималось имманентно, то есть исходя из себя самого, без применения телеологического подхода как способа разрешения противоречий и установления интенций философского учения. Имманентная перспектива вовсе не исключает генетического рассмотрения, структура работы подразумевает восхождение к учению о *лучшем сознании* от частей к целому, при этом генезис выступает в качестве отдельных частей, выполняющий двоякую функцию: прояснение через познание другого (с помощью сравнения), а также уточнение смысла целого. Телеологический подход или историческая реконструкция представляет собой своего рода монолог; напротив, герменевтическая реконструкция нацелена на диалог и позволяет взглянуть на *лучшее сознание* как на своеобразное амбивалентное учение, с противоречиями которого не смог, как известно, совладать сам Шопенгауэр, поэтому в этой реконструкции учение схватывается в качестве не законченного, но стремящегося к завершению. Таким образом, несмотря на предложенную Новембре методологию, в соответствии с которой герменевтическое усилие должно быть направлено на то, чтобы продемонстрировать непротиворечивость философского текста Шопенгауэра²¹, в данной работе избран другой подход. Только герменевтическая реконструкция обеспечивает неприкосновенность целостности исследуемого учения, сохраняя за текстом право остаться непонятым и признавая свое непонимание. Шопенгауэр стал первым философом, который лишил *лучшее*

---

²¹ Novembre A. Il giovane Schopenhauer e Fichte. La duplicità della coscienza. Diss. Mainz. 2011. 458 p.

сознание этого права. В соответствии с герменевтической установкой²², мы стремимся понять автора лучше, чем он понимал себя, однако речь не идет об установлении однозначного и окончательного смысла, речь идет о том, чтобы позволить произведению творчески разворачиваться в самом себе, позволить проявиться смыслу. В плане герменевтической методологии диссертационное исследование опирается на работы Фр. Шлейермахера²³, В. Дильтея²⁴, Г.Гадамера²⁵, Х. Зедльмайера²⁶, Р. Сафрански²⁷, А.А. Грякалова²⁸, Н.О. Гучинской²⁹.

В качестве целого (предпонимания), составляющего герменевтический круг, избрана реконструкция ранней философии в исполнении А. Новембре, Р. Сафрански, Ю. Камата, которая в данном исследовании корректируется и наполняется новым содержанием по мере понимания частей, обретая при этом качественно иной вид. Существенным моментом для избранного метода является проблема контекста. Основной контекст системы тождественен основному переживанию (*Grunderlebnis*) автора, то есть его жизненному миру. В соответствии с герменевтическим подходом возможность толкования основывается на направленности интерпретатора, на его собственном переживании, что позволяет воссоздавать в своей мысли жизненный мир интерпретируемого автора. Нам необходимо таким образом зафиксировать основное переживание, которое следует держать всегда на виду при интерпретации ранней философии А. Шопенгауэра. Герменевтическое сопереживание заключается в том, что я понимаю раннюю философию сквозь призму романтического переживания невозможности выражения, невозможности перехода из чистого мира фантазии в мир повседневности, и ежечасное проживание этого конфликта, порождающего дуализм между

²² «Задачу можно сформулировать так: «понимать речь сначала наравне с автором, а потом и превзойти его». Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. Европейский дом. 2004. С. 64.

²³ Там же.

²⁴ Дильтей В. Собрание сочинений. Т. 1: Введение в науки о духе. СПб. 2000. 762 с.

²⁵ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М. Прогресс. 1988. 699 с.

²⁶ Зедльмайр Х. Искусство и истина: О теории и методе истории искусства. М.: Искусствознание, 1999. 366 с.

²⁷ Сафрански Р. Шопенгауэр и бурные годы философии. М. Роузбад Интерэктив. 2014. 590 с.

²⁸ Грякалов А.А. Неопределенность и событие. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 2. С. 12-21; Грякалов А.А. Ночное при свете дня: к герменевтике субъективности // Архетип ночи в мировой культуре. СПб. ЛГУ им. А. С Пушкина. 2019. С. 215-225.; Грякалов А.А. Поэтическая герменевтика времени (О поэзии Дмитрия Ивашинцова) // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2020. Т. 9. № 1 (17). С. 137-167.

²⁹ Гучинская Н. О. *Hermeneutica in puse*: Очерк филол. герменевтики. СПб. Церковь и культура. 2002. 122 с.

внутренним и внешним. Конечно, это является гипотетическим предположением, которое, однако, позволяет интерпретировать философию Шопенгауэра наименее противоречивым образом, сохраняя при этом внутреннюю амбивалентность размышлений автора. Это основное переживание можно попытаться зафиксировать в следующей формуле: Романтик вступает в неравное сражение с реальностью, в котором обретает гибель, или навсегда остается наедине с болезненным вождением абсолютного. Согласно Гадамеру, молчаливая предпосылка герменевтики Шлейермахера заключается в том, чтобы способствовать пониманию подлинного значения произведения и защищать его от ложного понимания и актуализации³⁰. В представленной работе ранним рукописным фрагментам Шопенгауэра возвращается их подлинное значение, которым они обладали изначально, через обращение к тому миру, который только и определяет их значимость, через восстановление первоначального состояния философа, восстановление его установок. Каждый фрагмент интерпретируется в качестве представителя целого или даже как само целое, завершенное в своём становлении³¹, а не только лишь как стремящейся к завершению или обретающий полноту в единстве с философией других мыслителей. Философия Шопенгауэра интерпретируется не в категориях зависимости, но в категориях взаимодействия, что позволяет говорить об этом мыслителе как о своеобразном представителе движения романтизма.

Методология диссертации также опирается на новейшие исследования, посвященные ранней философии А. Шопенгауэра: работы А. Хюбшера, А. Саттар, М. Косслера, А. Новембре, Альфонсо, Камата. В рамках определения хронологии ранних текстов я опираюсь на А. Хюбшера, при этом подавляющее большинство переведенных фрагментов (в диссертации представлен наш собственный перевод) приводятся по пятитомному изданию рукописного наследия 1978 г, за исключением лекций Шульце по Логике, изданных Альфонсо в 2019 г. и цитат, статей и монографий иностранных авторов.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Данная диссертация является первой в отечественной философии герменевтической реконструкцией ранней философии А. Шопенгауэра. Предложены основные перспективы реконструкции ранней философии Шопенгауэра, обобщающие все ранние философские размышления автора, отраженные в рукописном наследии: критика эмпирического познания,

³⁰ Гадамер Г.-Г. Истина и метод : Основы филос. герменевтики. М. Прогресс. 1988. С. 111.

³¹ Гучинская Н. О. *Hermeuticā in pise*: Очерк филол. герменевтики. СПб. Церковь и культура. 2002. С. 69.

характеристики временного существования, теория идей, апофатика *лучшего сознания*, эстетическое и этическое измерение *лучшего сознания*, противопоставление линейного и нелинейного времени, переход от дуализма лучшего и эмпирического к монизму воли.

2. Привлечены к рассмотрению тексты рукописного наследия философа, традиционные и новейшие издания ранних манускриптов, а также современные историко-философские исследования западных авторов, малоизвестные в отечественной философии. Осуществлен перевод и проведен анализ большого количества фрагментов из рукописного наследия философа, наиболее полно иллюстрирующих рассматриваемый период, в том числе конспекты лекций, записи в ученических тетрадях и маргиналии к личным экземплярам произведений.

3. Скорректировано представление о генезисе и содержательной части ранней философии автора. Выявлены доказательства о влиянии романтического мирозерцания на ранний философский опыт Шопенгауэра; предпринят терминологический анализ фрагментов, раскрывающих смысл философского дуализма; осуществлен анализ актуализированных Шопенгауэром философских терминов немецкого идеализма.

4. Доказано, что критика эмпирического сознания А. Шопенгауэром не ограничивается учением о границах познания (гносеологией), но дополняется анализом временного существования в качестве переживания субъекта, то есть подчеркивает экзистенциальный смысл.

5. Предложена интерпретация, в соответствии с которой *лучшее сознание* рассматривается как опыт преодоления линейного времени, релевантный эстетическому и этическому опыту.

6. Проанализированы философские основания учения о непознаваемости лучшего сознания. Обосновывается необходимость использования предиката «апофатический» по отношению к гносеологии раннего Шопенгауэра.

Положения, выносимые на защиту

1. Основная философская идея раннего Шопенгауэра представляла собой дуализм *лучшего* и эмпирического сознаний, отраженный в художественных произведениях романтизма, который затем приобрел свое развитие в последовательном обосновании принципов существования как временного, так и *лучшего сознаний*, не находящихся в причинно-следственной связи.

2. Влияние Фихте и Шеллинга следует рассматривать в рамках конструктивной полемики Шопенгауэра с гносеологическими притязаниями

идеализма, а не только в контексте рецепции Шопенгауэром их метода и идей, которым придавалась бы только качественно новая интерпретация;

3. Критика эмпирического сознания у Шопенгауэра не имела результатом демонстрацию возможности познания трансцендентного, с упразднением ранней апофатики *лучшего сознания*, но усиливала моменты трансцендентности и непознаваемости этого феномена, все больше отчуждая его в область непознаваемого.

4. Специфика философии лучшего сознания раскрывается в рамках онтологического дуализма временного и вечного, который образует ряд производных бинарных оппозиций, составляющих дуалистическое восприятие автором всех феноменов жизни. В этот дуализм включается особый опыт времени *лучшего сознания*, противопоставленный линейному, историческому времени становления. *Лучшее сознание* выступает эпифанией подлинного настоящего, завершеного кайроса, обретая абсолютное выражение в упразднении времени в мгновении завершенности и перехода от бесконечности к вечности.

5. Всесторонняя реконструкция основной идеи ранней философии Шопенгауэра должна основываться на описании и анализе *лучшего* и временного сознаний в перспективе трансцендентальной аналитики познания, теории идей, апофатики *лучшего сознания*, интерпретации с катафатических позиций, анализе характеристик временного существования, а также в свете обращения к первому изданию диссертации «О четвероюм корне закона достаточного основания»;

Теоретическая значимость

Теоретическую значимость диссертации составляет проведенная реконструкция ранней философии А. Шопенгауэра, осуществленная на материале рукописного наследия философа, которое практически не обсуждается в современных российских исследованиях, посвященных Шопенгауэру. Таким образом, исследованы малоизученные в России тексты и проблематика, представлена оригинальная версия реконструкции ранней философии, что также позволяет сократить дистанцию между международными и отечественными исследованиями по философии А. Шопенгауэра.

Практическая значимость

Материалы и переведенные фрагменты текстов, представленные в диссертации, могут быть использованы при написании учебных пособий, монографий, в подготовке учебных программ по истории западной философии, культуры, эстетики.

Апробация полученных результатов

Результаты реферируемого диссертационного исследования изложены в 6 научных статьях, опубликованных с 2017 по 2023 гг., пять из которых входят в перечень рецензируемых изданий ВАК. Также результаты были представлены в виде 7 докладов на научных конференциях в период с 2019 по 2023 гг.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трёх разделов, заключения и списка литературы. Объём работы — 257 страниц. Список литературы включает 153 наименования: 32 основных источника и 121 дополнительных, в том числе 82 на иностранных языках.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования ранней философии А. Шопенгауэра, осуществляется анализ степени разработанности темы в отечественной и зарубежной литературе, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, обосновывается методология, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость представленной диссертации.

В первом разделе «Возникновение и генезис философии лучшего сознания» осуществлен анализ концептуализации проблематики философии *лучшего сознания* в перспективе оценки влияния романтического мирозерцания на ранние философские размышления Шопенгауэра, прослеживается рефлексия автора при изучении последних и основных результатов современной ему философии. Описываются основные задачи, поставленные перед собой ранним Шопенгауэром, обосновывается исследовательский подход в используемой терминологии.

В подразделе 1.1. «Дуализм мира и идея освобождения» рассматривается влияние идей романтизма на формирование мировоззрения А. Шопенгауэра и их роль в становлении его ранней философии. Через краткий очерк биографии демонстрируется специфика мировосприятия Шопенгауэра, формирование в нем универсалистского представления о всеобщем, превосходящем индивидуальные различия. Понимание биографии автора раскрывается через обращение к художественным образам романтизма в качестве идеального выражения архетипического переживания, которому не был чужд Шопенгауэр. Рассматриваются первые философские афоризмы рукописного наследия А. Шопенгауэра в контексте идейно-содержательного сходства с художественными произведениями романтизма (известными Шопенгауэру). Специфика философского дуализма, раскрывающегося во фрагментах, анализируется через обращение к терминологии. Предикат

«чистый», «подлинный» (нем. *reïn*) используется философом для манифестации качественно иного бытия по отношению к эмпирическому, видимому миру, значение подобного подчеркивания объясняется идеей освобождения. Вместе с тем, подлинность понимается в значении соответствия своему бытию, что уточняет смысл развиваемого автором дуализма: временный мир не сводим к божественному, а божественный не является причиной временного. Показано, что бинарные оппозиции становятся для Шопенгауэра способом познания мира и пониманием самого себя. Акцентируется внимание на том, что романтизм не столько повлиял на Шопенгауэра, сколько оказался выразителем размышлений и чувств философа. Эта созвучность проявилась в том, что его ранние стихотворения пронизаны единым сюжетом – противопоставлением времени и вечности, сожалением о невозможности и желанием отыскать возможность приблизиться к вечному. Метание между принципом единства и дуализмом выявляет элементы скептицизма, свойственного философу. Интерес к истории, познанию индивидуального, иронии остается чужд Шопенгауэру, что заставляет нас либо провести границу влияния романтизма, либо говорить о Шопенгауэра как о своеобразном представителе движения романтизма, философия которого является уникальным калейдоскопическим образом этого духовного движения.

В подразделе 1.2. «История и сущность метафизики. О влиянии Г. Э. Шульце» рассмотрено влияние Г.Э. Шульце, а также идеи, сформулированные Шопенгауэром в рамках рефлексии над лекциями Геттингенского профессора. В качестве основного материала привлекается личный конспект Шопенгауэра, содержащий лекции Шульце по метафизике, психологии и логике. Через рассмотрение различных подходов историков философии – от выражающих традиционную точку зрения, связанную с подчеркиванием заимствования кантовской критики, до современных трактовок, с указанием на принципиальное содержание лекций по метафизике, предельным вопросом для которых выступала «телесность» и проблема реальности, здесь представлена интерпретация фрагментов конспектов Шопенгауэра. Обращается внимание на ключевое влияние истории философии Шульце, согласно которой картезианская проблема сознания и реальности объявлялась краеугольным камнем современной философии. При этом характер маргиналий Шопенгауэра свидетельствует о критическом восприятии лекций Шульце, что особенно иллюстрируется в рамках полемики по поводу восприятия понятий «идея» и «разум», а также содержательного значения термина «непосредственность». Проблема телесности завершала лекции по метафизике, а проблема оснований фигурировала в качестве ключевой в лекциях по логике, что заставило

Шопенгауэра обратиться к Шульце во время написания им своей диссертации. Тем не менее, строгий скептицизм Шульце не мог удовлетворить философские запросы Шопенгауэра, что может быть проиллюстрировано через апологетику Шопенгауэром понятия фантазерства как способа познания бесконечного, что заставляет Шопенгауэра обратиться более основательно к философии Фихте и Шеллинга, чьи системы венчали изложение метафизики Шульце и активно критиковались им, подобное отношение будет впоследствии свойственно и Шопенгауэру.

В подразделе 1.3. «Роль И.Г. Фихте. Проблема границ трансцендентного» рассматривается влияние И.Г. Фихте на материале конспектов Шопенгауэра, излагающих лекции мыслителя, а также маргиналий к его философским сочинениям. Понимание границ и условий познания трансцендентного становится камнем преткновения между идейными подходами философов. Доказывается, что дуализм Шопенгауэра не позволяет ему признать некоторые положения философии своего учителя, в рамках рассуждения о природе безумия и гениальности, Шопенгауэр развивает собственную эпистемологию сверхчувственного познания, корректируя терминологию лектора. Так возникает первая попытка построения бинарной оппозиции между эмпирическим познанием и познанием сверхчувственным, которую гений обретает через принадлежащую ему силу, позволяющую преодолевать эмпирическое сознание. Молодой философ полагал, что познание вещей в себе невозможно на пути увеличения степени рефлексии и находится за пределами оной. В параграфе анализируется также возможное влияние терминологии Фихте на формирование понятия *лучшее сознание*. Демонстрируется, что первая рецепция понятия воли связана с конспектами учения о нравах Фихте, представлена попытка интерпретации отношений между ранним понятием воли и *лучшим сознанием*, в которой последнее вытесняет способность желания (*wollen*), являясь условием свободы, отождествляемой с возможностью нежелания.

В подразделе 1.4. «Воздействие идей Ф.В. Й. Шеллинга. Прорыв в трансцендентное. Абсолют и интеллектуальное созерцание» анализируются маргиналии Шопенгауэра к сочинениям Шеллинга, которые являются едва ли не самыми обильными комментариями, нашедшими свое выражение в богатых идеями рассуждениях на полях дневника, отражающих неподдельный интерес Шопенгауэра. Демонстрируется, что Шеллинг стал первым выразителем основных философских намерений автора. В философских письмах была сформулирована задача философии, определившая дальнейший ход мысли Шопенгауэра. Тем не менее, Шопенгауэр не ограничивается простым

заимствованием, его полемические комментарии не опираются еще полностью на собственную концепцию, но связаны с апологетикой Канта или с анализом противоречий Шеллинга. В записях Шопенгауэра мы обнаруживаем два, казалось бы, противоречащих друг другу стремления: требование к строгости аргументации на языке трансцендентальной философии и требование к обретению подлинного мистического опыта свободы (истины), которое не должно быть заменено в философии абстрактными спекуляциями. Подобные требования отразились в рамках критики используемых Шеллингом понятий, как то: «вечное понятие», идея, абсолют, интеллектуальное созерцание, воля. В рассуждении о значении абсолютной и эмпирической воли дуализм Шопенгауэра развивается и преодолевает причинную зависимость между обеими, апофатизм в познании абсолютного вынуждает его говорить об эмпирической стороне бытия как о независимой от абсолютной. С другой стороны, Шопенгауэр предлагает отказаться от понятия возникновения и обратиться исключительно к познанию самого становления, мыслимого как не имеющее ни начала, ни завершения. Данное рассуждение развивается также в противопоставлении рассудочного познания и созерцательного (направленного на идею). Доказывается, что осмысление Шопенгауэром понятия Абсолют и абсолютных отношений стали первой попыткой осмысления отношений между лучшим и эмпирическим сознанием. Так как познание абсолюта может быть осуществлено только в рамках становления абсолютом, понятия интеллектуальное созерцание и абсолют сливаются, способ познания оказывается тождественным с предметом, на который познание направлено, следовательно, *лучшее сознание* объединяет в себе значение абсолюта и интеллектуального созерцания. В рамках анализа работы Шопенгауэра с приведенными терминами демонстрируется конкретизация и развитие философии *лучшего сознания*, апофатика которого все более ограничивает притязания на прорыв к трансцендентному.

В подразделе 1.5. «Задачи истинного критицизма. Дуализм лучшего и эмпирического сознаний» обосновывается, почему в рамках реконструкции ранней философии А. Шопенгауэра необходимо использовать наименование философия *лучшего сознания* для обобщения всех философских размышлений рассматриваемого периода. Анализируется специфика используемой Шопенгауэром терминологии: *лучшее сознание*, двойственное сознание, истинный критицизм. Рассматривается подход, в соответствии с которым *лучшее сознание* становилось предметом историко-философского исследования в рамках реконструкции «философии двойственности сознания», демонстрируется контекст использования Шопенгауэром предиката

«двойственный». Подводится итог концептуализации основной идеи ранней философии.

Второй раздел. Истоки критики эмпирического сознания и разработка понятия закона достаточного основания. Реконструируется учение об эмпирическом сознании в проекции влияния учения о познании и анализе переживания субъектом собственной временности.

В подразделе 2.1. «Понятия причины и основания в свете идей Ф.Г. Якоби» рассматривается влияние, оказанное на Шопенгауэра Якоби. В рамках известного спора Шеллинга и Якоби о божественных вещах проводится несколько сравнительных перспектив в используемой критике Шеллинга Шопенгауэром и Якоби. Сходство полемических позиций иллюстрируется через критику системы тождества, пытающейся упразднить противоположности свободы и необходимости, тела и души, Бога и природы. Доказывается, что критика спинозизма как принципа науки со стороны Якоби также имеет смысловые пересечения с идеей Шопенгауэра о законе достаточного основания (сформулированного позже в диссертации). Поэтому совершенно не случайно, что первые размышления и актуализация проблемы закона достаточного основания происходит именно в связи с Якоби. Обосновывается, что ранее декларируемый принцип невозможности познания возникновения как такового, находит свое философское обоснование на пути анализа принципа причинности, который должен продемонстрировать не только невозможность доказательства Бога, но и невозможность материалистического истолкования человека. Тем не менее, отношение Шопенгауэра к Якоби характеризуется как критическое, несмотря на выделение последним двух разных видов объяснения: *principium fiendi* и *principium compositionis*, которые актуализировали для Шопенгауэра проблему спецификации закона достаточного основания. В заметках к «божественным вещам» Шопенгауэр впервые различает понятия причины и основания, что в дальнейшем станет основой его диссертации.

В подразделе 2.2. «Маргиналии к новой критике разума Я. Фриза. Интеллектуальный характер и два определения жизни» анализируется утверждение неокантианцев о принадлежности Шопенгауэра к «психологической» школе интерпретации философии Канта. Доказывается, что маргиналии Шопенгауэра иллюстрируют полемику с основным аргументом новой критики, которому Шопенгауэр противопоставляет положение субъективного идеализма: существовать – значит быть воспринимаемым. Критике подвергаются и другие положения работы Фриза. Демонстрируется, что, несмотря на критику едва ли не всех положений Фриза, новая критика

разума оказала влияние на Шопенгауэра. Определяя в первых комментариях жизнь как пространство прерывания причинно-следственных связей, Шопенгауэр скорректировал свое представление после знакомства с понятием интеллектуального характера, которое позволяло объяснять все действия как неслучайные и независимые от эмпирических обстоятельств, что подчеркивалось в определении воли, которое на страницах новой критики дает Шопенгауэр. В новой формулировке жизнь представляла собой процесс самопознания характера, однако подобное понимание входило в противоречие с философией *лучшего сознания*, так как ставило под вопрос его абсолютную недостижимость для эмпирического. На примере анализа ученических тетрадей Шопенгауэра обосновывается тезис о том, что новый термин, несмотря на противоречивость в согласовании его с философией *лучшего сознания*, прочно вошел в философию Шопенгауэра, обозначив принцип становления, обуславливающий цепочку событий в природе, но не входящий в материальный ряд становления.

В подразделе 2.3. «Герменевтическая аналогия. К вопросу о влиянии идей Фр. Шлейермахера» исследованы современные герменевтические интерпретации теории познания Шопенгауэра. Предлагается гипотеза, в соответствии с которой Шлейермахер оказал влияние на гносеологию Шопенгауэра, что связано с подчеркиванием отличий в познании субъект-объектных отношений и сущности явления. Проводится сравнительная аналогия между актуализацией Шлейермахером двух видов познания (понимания и объяснения), и императивным требованием Шопенгауэра познания сущности, а не отношений вещей. Оба философа обращаются к вопросительным местоимениям для подчеркивания обращения к смыслу, не лежащему на поверхности, Шлейермахер ищет «что» вещи, а Шопенгауэр – «чистое как». Невоспроизводимость подобного познания, его не дискурсивный характер заставляют обоих мыслителей отождествить свою дисциплину с искусством, противопоставляя её объяснительным принципам науки. Иллюстрируется специфическое отношение Шопенгауэра к религии и Богу, который понимается им, с одной стороны, как догматический объяснительный принцип, с другой – как высший способ самосознания. Развитие этого понимания приводит, несмотря на сохранение «христианских» эпитетов *лучшего сознания*, к пониманию религии как способу догматического объяснения, от которого необходимо отказаться. Доказывается, что лекции Шлейермахера представляли для Шопенгауэра особой интерес, что отразилось на записях в его дневнике, осмысляющих проблему оснований в контексте окказионализма. Обосновывается необходимость обращения к полному

изданию рукописных конспектов лекций Шлейермахера, которое до сих пор не осуществлено, для полноценной и достоверной реконструкции генезиса его философии.

В подразделе 2.4. «Критика эмпирического сознания в проекции замысла диссертации «О четвероюм корне закона достаточного основания» демонстрируется, что замысел написания Шопенгауэром диссертации «О четвероюм корне закона достаточного основания» связан именно с философией *лучшего сознания*. Реализация замысла должна была продемонстрировать границы эмпирического сознания, а также задать рамки для философской аргументации, основанной на теории познания. Анализируется сложный процесс становления проблематики диссертации автора, начиная от доказательства априорности причинности до различения значений понятий причина и основание. Доказывается, что анализ этической и эстетической сферы человеческого существования не предусматривался замыслом диссертации, а потому, по своему характеру, она была призвана утвердить существующий дуализм *лучшего* и эмпирического сознания, а не упростить его. Критика эмпирического познания ограничивается указанием границ закона достаточного основания, за пределами которого невозможна достоверная аргументация, а значит и философия.

В подразделе 2.5. «Эмпирическое сознание и идея временного существования» проанализировано рукописное наследие автора, содержание которого может быть интерпретировано в качестве дополнительной части учения о временном сознании, а именно его «этической» и «эстетической» стороне, ограниченной эмпирическими рамками. Доказывается, что предлагаемая в диссертации реконструкция подобного раздела вытекает из замысла самого Шопенгауэра. Данное обстоятельство объясняется не только обращением к задачам истинного критицизма, но также обращением к «идее временного существования», истолкование которой должно было раскрыть смысл временного существования как такового. Доказывается, что мысль Шопенгауэра, несмотря на присущий ей дуализм, всегда склоняется к предположению, что временное бытие как таковое несостоятельно и всегда вынужденно предполагать для себя сверхчувственную причину и цель. Раскрывается смысл содержания художественных образов, с помощью которых Шопенгауэр иллюстрирует эмпирическое сознание. Анализируются стратегии, используемые временным сознанием для того, чтобы примириться с самим собой: обращение к прошлому, как потерянному раю с перспективой его возвращения, к будущему, сулящему остановку времени, и бесконечному мгновению удовольствия, останавливающего время.

Третий раздел. (Учение о лучшем сознании. Опыт реконструкции и интерпретации). На основе анализа процесса возникновения и развития философии *лучшего сознания* с привлечением обильного материала из дневников Шопенгауэра осуществлена реконструкция и предложена интерпретация понятия лучшее сознание. Рассмотрено влияние этического учения Канта.

В подразделе 3.1. «Назад к Канту. От критики разума к трансцендентальной идее счастья» рассматривается эволюция взглядов Шопенгауэра по отношению к Канту. Доказывается, что на интерпретацию кантовской философии повлияла критика Шульце. В рамках анализа маргиналий к Прологоменам ко всякой возможной метафизике и Метафизическим основаниям естественных наук» демонстрируется, что Шопенгауэр обнаружил в философии Канта основу для полемики со своими оппонентами, а именно запрет использования категорий за пределами возможного опыта. С другой стороны, в практической философии Канта Шопенгауэр обнаружил путеводную нить для собственных этических размышлений. Основная идея, оказавшая влияние на Шопенгауэра, заключалась в безусловном значении этических поступков, которые были независимы от чувственных обстоятельств и имели непосредственное отношение к миру вещей в себе. Доказывается, что основой полемики с Кантом выступало различное истолкование философами этической автономии субъекта; аргументация Шопенгауэра, апеллирующая к его собственным представлениям, позволяет философии *лучшего сознания* раскрыться в этической перспективе дуализма добродетельного и порочного поведения, при этом Шопенгауэр отказывается от установок философии просвещения. Демонстрируется развитие аргументации Шопенгауэра через прояснение им собственной этической доктрины: от этической интерпретации своего дуализма до аналитики счастья как трансцендентальной идее разума.

В подразделе 3.2. «Разум и воля. Проблематизация темы истока морали» продолжен анализ маргиналий и записей Шопенгауэра в отношении этических сочинений Канта. Проблема трансцендентальной видимости идеи счастья раскрывается через анализ истока морали и значения разума для добродетели. Демонстрируется, что именно в подобном контексте в ранней философии Шопенгауэра заявляет о себе понятие «воля», в качестве силы способной возбуждать в сознании представление о вневременном состоянии, о свободе. Доказывается, что «абсолютизация» воли позволяет Шопенгауэру обойти разум в качестве необходимого составляющего нравственного поведения, при этом аргументация автора строится именно исходя из логики

лучшего сознания. К рассмотрению привлекаются также рукописные маргиналии к «Учению о нравах» Фихте. Демонстрируется радикализация Шопенгауэром взглядов своих оппонентов. Моральное поведение оценивается мыслителем лишь в проекции его интенции и субъективного отношения, и независимо от своих последствий в акте действия, что соответствует различию морального и благоразумного, *лучшего* и эмпирического. Анализируется влияние взглядов Шопенгауэра на правовую теорию. Делается вывод, что философия *лучшего сознания* становится основой для любой аргументации или радикализации философских положений.

В подразделе 3.3. «Апофатика лучшего сознания, ее философские основания» анализируются и обобщаются размышления Шопенгауэра о проблеме познаваемости *лучшего сознания*. Доказывается, что единственным способом постижения *лучшего сознания* в понимании Шопенгауэра выступает историческое познание как способность разума, от которого, однако, не зависит проявление и существование *лучшего сознания*. Непознаваемость *лучшего сознания* описывается в двух перспективах: в неспособности разума к его познанию и в его собственной трансцендентности. Демонстрируется, что разум и сознание человека не интерпретировались Шопенгауэром в качестве способностей, схватывающих *лучшее сознание*, разум способен лишь создать представление о нем. Доказано, что философская апофатика Шопенгауэра развивается в двух направлениях. С одной стороны, это императивное требование не приписывать *лучшему сознанию* никаких положительных характеристик, с другой – это философская деятельность по утверждению того, чем *лучшее сознание* не является. Истинная философия, согласно Шопенгауэру, должна заключаться не в объяснении связей опыта, а в созерцании, и высвобождении *лучшего сознания* от «положительных» характеристик. Поэтому подход Шопенгауэра и можно именовать апофатическим.

В подразделе 3.4. «Трансцендентальное многообразие в свете теории идей» прослеживается развитие взглядов в отношении понимания термина «идея»: от реальностей, присутствующих в божестве и объекта искусства до вещи в себе и воли. Анализируется теоретическое содержание термина и его противоречивые интерпретации философом. Доказывается, что теорию идей в философии Шопенгауэра можно понимать в качестве ответа на вопрос об условиях возможности опыта как такового, в связи с чем рассматриваются понятие «созерцание нормы», «образ» и «схема». Представлена гипотеза, согласно которой возникновение понятия чистого субъекта созерцания связано с ограничениями освобождающей функции эстетического опыта. Проанализирована оппозиция субъекта познания и субъекта желания.

Демонстрируется, что данному разделению соответствует (в новом осмыслении Шопенгауэра) разделение двух способов познания: с помощью разума и с помощью созерцания; доказывается, что при подобном подходе апофатизм *лучшего сознания* лишь усиливается, а не упраздняется. Проблематизируется материальная сторона учения об идеях (гипостазирование их в качестве реальных объектов), на основе чего делается вывод о специфике теории познания Шопенгауэра, использующего нелинейный способ интерпретации объектов.

В подразделе 3.5. «Лучшее сознание. Основания для интерпретации с катафатических позиций» анализируются и обобщаются положительные характеристики понятия *лучшее сознание*. Актуализируется рассмотренное ранее влияние Фихте и Шеллинга на концептуальное содержание понятия. Логика развития мысли Шопенгауэра иллюстрируется через обращение к художественным образам романтизма. Доказывается, что продуктивной является историко-философская реконструкция, рассматривающая *лучшее сознание* и в качестве способа познания философской истины, и в качестве состояния пребывания в этой истине. Демонстрируются этическая и эстетическая проекции *лучшего сознания*, которые раскрываются через анализ понятий эстетического и морального опыта. Анализируется особый опыт времени, характерный для проявлений *лучшего сознания*. *Лучшие мгновения* (кайрос) выражают собой интенцию автора по преодолению времени (хроноса) как бессодержательной линейной перспективы. Реконструкция логики рассуждения автора демонстрирует, что смерть и безумие рассматривались как закономерный результат раскрытия *лучшего сознания* в эмпирическом мире.

В подразделе 3.6. «Закат философии лучшего сознания. Основные итоги» рассматриваются исследовательские гипотезы, объясняющие отказ Шопенгауэра от термина *лучшее сознание*. Анализируется преобладание концепций *лучшего сознания*, отрицания воли, субъекта чистого познания. Доказывается предположение, в соответствии с которым натурфилософия воли может выступать в качестве составной части учения о *лучшем сознании*, что осуществляется через обращение к понятию аналогии опыта. Проанализированы рукописные фрагменты первого дрезденского периода, в которых философия воли развивается параллельно с учением о *лучшем сознании*. Анализируется концепция двойственности воли, а также понятие «аналогия воли», которые могут быть интерпретированы в рамках противопоставления *лучшего* и *временного* сознаний. Использование аналогии опыта подчеркивает имманентный характер познания воли, таким образом философия воли остается в рамках трансцендентальной аналитики, а именно

единственным легитимным способом, согласующимся с теорией познания, объяснения внутреннего бытия явлений, для чего *лучшее сознание* было неприменимо, поскольку является трансцендентным миру. Представлен перевод и анализ фрагментов, связанный с отказом Шопенгауэра от идей дуализма в пользу монизма воли.

В Заключении подводятся итог и формулируются выводы диссертационного исследования:

1. Концепция *лучшего сознания* не является аморфной философской интуицией Шопенгауэра, которой автор обозначал любые непроясненные для себя философские вопросы, пока не отказался от нее в рамках системы мировой воли. Гносеологические, этические и эстетические характеристики бинарной оппозиции лучшего и эмпирического сознаний приобрели свое систематическое развитие и аргументацию, основанную на теории познания. Философия *лучшего сознания* — это учение онтологического дуализма, в котором эстетический и этический опыт наделяются сверхчувственными характеристиками.

2. Романтизм смог отразить дуалистическое мировоззрение Шопенгауэра, описать поэтическим языком переживание ограниченности человеческого бытия, а также стремление к освобождению от временного состояния, которое не способно до конца овладеть таинственной силой, присутствующей в человеке. Романтический архетип приобрел свое уникальное выражение в ранней биографии и творчестве Шопенгауэра, отражаясь в восприятии путешествия как своеобразного способа освобождения и преодоления бездуховной, навязываемой отцом, буржуазной жизни. Таким образом, философию Шопенгауэра можно назвать уникальным калейдоскопическим образом духовного движения романтизма.

3. Вместе с тем, метафизика *лучшего сознания* становится философским (теоретическим) выражением основного переживания раннего романтизма. Романтик либо погибает в непримиримом противостоянии с действительностью, либо вечно пребывает в болезненном состоянии тоски (*Sehnsucht*) по абсолютному бытию. Согласно Шопенгауэру, так как *лучшее сознание* не является причиной эмпирического, а его проявление связано с процессами «вытеснения», то, приближаясь к нему в эстетическом и этическом опыте, субъект саморазрушается (*Selbststörung*), в противном случае, человек вынужден пребывать в состоянии вечной борьбы.

4. Г. Э. Шульце повлиял на раннюю философию Шопенгауэра не столько как философ, сколько как историк философии. Благодаря его лекциям по метафизике и логике Шопенгауэр усвоил для себя основную парадигму

современной ему философии, центр которой составляло картезианство. Его взгляд на Канта и эпигонов во многом был обусловлен именно подходом учителя. Шопенгауэр не ограничивался простым заимствованием, но интерпретировал мысль своего учителя, дополнив картезианскую метафизику тезисом о непосредственном переживании иллюзорности действительности.

5. Теоретическое оформление философской интуиции о *лучшем сознании* связано с влиянием и полемикой с И. Фихте и Ф. Шеллингом. Столь пристальное внимание к ним, по-видимому, объясняется их попытками преодоления кантовского скептицизма. В полемике и рецепции основных философских понятий мыслителей содержательно оформилась терминология Шопенгауэра. Содержание понятия *лучшего сознания* наполнялось за счет интерпретации понятий: высшее сознание, абсолютная сосредоточенность, вспышка очевидности, интеллектуальное созерцание, абсолют, воля. С другой стороны, Шопенгауэр не был удовлетворен методом своих предшественников, в связи с чем для него актуальной стала задача по разработке новой теории познания, в большей степени соответствующей специфике онтологического дуализма. Благодаря этим мыслителям дуализм Шопенгауэра был окончательно интегрирован в проблемное поле трансцендентальной философии, а в полемике сформулированы основные задачи философии автора.

6. Разработка Шопенгауэром теории познания связана с переосмыслением значений понятий «причина» и основание. Подобный подход объясняется влиянием лекций по логике Шульце и метафизическими размышлениями Якоби, в которых Шопенгауэр обнаружил первые попытки разделения значений указанных терминов. В основе диссертации «О четвероюм корне закона достаточного основания» находилась критика чистого разума Канта, которую Шопенгауэр проштудировал и прокомментировал обширными маргиналиями во время подготовки текста диссертации. При этом замысел диссертации Шопенгауэра был связан с философией *лучшего сознания*: произведение должно было продемонстрировать границы эмпирического познания для того, чтобы в дальнейшем обозначить возможности сверхчувственного познания в проекциях эстетического и этического опыта.

7. Всесторонняя историко-философская реконструкция влияния Ф. Шлейермахера не может быть в полной мере осуществлена на данный момент из-за отсутствия издания и расшифровки конспектов лекций Шопенгауэра по истории религии. Современные «герменевтические» интерпретации философии Шопенгауэра, в основном отсылают нас к более позднему, чем рассматриваемый нами, периоду, для которого характерно разделение

метафизического и этиологического объяснений, что соответствует герменевтическому разделению понимания и объяснения. Тем не менее, продуктивной видится аналогия между рассуждениями Шопенгауэра и Шлейермахера о способах познания явлений. В связи с чем предложена гипотеза о влиянии Шлейермахера на гносеологию Шопенгауэра, что связано с подчеркиванием отличий в познании субъект-объектных отношений и сущности явления. К тому же, о значении фигуры Шлейермахера для автора говорят следующие обстоятельства: сдержанная риторика Шопенгауэра, переосмысление объяснительной функции догматической религии, возвращение к лекциям Шлейермахера во время написания диссертации и во время проработки учения о познании, отправка Шлейермахеру экземпляра сочинения «О четвероюм корне закона достаточного основания».

8. Реконструкция учения об эмпирическом сознании существенно обогащается за счет анализа переживания эмпирической реальности, которое занимает существенное место в дневниках Шопенгауэра и является составной частью эмпирического сознания. Личность, как историческое представление, становится основой временного сознания, наряду с историческим мышлением как ключевой способностью разума, позволяющей схватывать проявления лучшего в исторической перспективе. Амбивалентность в приписываемых разуму характеристиках выражается с одной стороны в том, что историческое познание гарантирует наличие представления о *лучшем сознании*, с другой стороны – историческое познание необходимо преодолеть на пути к *лучшему сознанию*. Временное сознание исключает возможность существования вечного, незыблемого, прекрасного и доброго, однако и не является самодостаточным и вынуждено, в своих границах (то есть исторически), гипостазировать для себя сущности, позволяющие смириться с эмпирической реальностью (Бог, бессмертие, потерянный рай, прогресс, блаженное будущее). Шопенгауэр же видит свою задачу в том, чтобы продемонстрировать нелегитимность подобных устремлений эмпирического сознания, оставив его в своей ограниченности.

9. Апофатика Шопенгауэра не ограничивается трансцендентализмом. Непознаваемость *лучшего сознания* объясняется не только ограниченностью познавательных способностей субъекта, оно трансцендентно по своей собственной природе, противоположной природе эмпирического сознания. Апофатика приобретает характер онтологического дуализма, *лучшее сознание* не является условным «остатком» после упразднения эмпирического, не является оно также и высшим выражением эмпирического, его идеальным прообразом, поэтому Шопенгауэр вынужден констатировать, что *лучшему*

сознанию недоступно понимание эмпирического, что превращает гения и аскета в маргинальные фигуры, над которыми эмпирическое сознание либо надсмехается, либо нарекает безумством. То же относится к подлинным этическим поступкам (например, актам самопожертвования), которые остаются для рассудка необъяснимыми.

10. Созерцание идей можно рассматривать в качестве познания наиболее приближенного к *лучшему сознанию*. Хотя Шопенгауэр сильно колебался и не смог сформулировать однозначную трактовку этого термина. С одной стороны, идеи представляют собой сущность, неподверженную времени, познаваемую в акте созерцания (вне границ разума), с другой, идея остается объектом в рамках эмпирического сознания, и потому акт созерцания не преодолевает, в подлинном смысле субъект-объектные отношения. Тем не менее представляется, что теория идей была попыткой Шопенгауэра приблизить субъекта к познанию проявлений *лучшего сознания*. В этом контексте идея рассматривалась как магическое действие, способное определять ход становления вещей, не будучи чувственно-воспринимаемой причиной. Идея словно завладевает вещью, заставляя ее выражать себя, в этом случае действие вещи не выводимо из эмпирических условий. Однако во времени ни одна идея не может обрести свое адекватное выражение, и потому познание идей возможно лишь в акте созерцания, который образует вертикальную перспективу на горизонтальной поверхности временного сознания и обращается к сущности вещи вне ее становления и изменения. Тем не менее противоречивость суждений Шопенгауэра не позволяет свести его рассуждения к однозначной трактовке.

11. *Лучшее сознание* можно определить положительно как бытие вне рассудка, разума и чувственности, вне распада на субъект и объект. При этом данное бытие не может мыслиться «исторически», с той точки зрения, что оно не является началом бытия эмпирического (Ursein). Однако с гносеологической точки зрения, *лучшее сознание* можно мыслить исключительно исторически, в качестве одного из представлений разума. Амбивалентная природа этого феномена заставляет Шопенгауэра говорить о нем как о жизни, которая не является жизнью, действием, которое не является действием, магической силой, способной влиять на действительность, избегая каузальности мира. При этом проявления *лучшего сознания* принципиально связаны с вытеснением, прекращением, прерыванием эмпирического сознания. Опыт лучшего сознания представляет собой особый опыт времени, противопоставленной линейной перспективе хронологического времени, и потому может быть выражен через понятие «кайрос». *Лучшее сознание*

раскрывается в мгновении, в этом выражается вневременность *Лучшего сознания*, поэтому ближайшей его геометрической аналогией является разорванная линия. Абсолютное прерывание времени достигается только в акте смерти, который завершает собой полноту мгновения. Смерть является закрытием этического акта самопожертвования или добровольного отрицания мира путем голодной и аскетической гибели. Хотя смерть может также венчать и акт создания подлинного произведения искусства, как в случае с вымышленным композитором И. Берглингером, для эстетического измерения *лучшего сознания* в большей степени характерно безумие, которое становится результатом бесконечной борьбы с действительностью, от которой не может отказаться художник, задачей которого является приведение *лучшего сознания* в эмпирический мир, что является по своей сути невозможной задачей.

12. Переход философии *лучшего сознания* к философии воли начинается с постепенного перехода от онтологического дуализма к монизму воли через трансцендентальный дуализм. Теория идей и объяснительная привлекательность понятия «интеллектуальный характер» позволили в значительной степени упразднить дуалистическую дистанцию между изначальным и действительным бытием. В сущности, разрешение через эти понятия третьей кантовской антиномии, приводило к синтезу, в котором лучшее сознание переставало иметь значение, так как эмпирическое сознание становилось не противоположностью, а выражением изначального акта свободы. Тем не менее нельзя согласиться с интерпретацией, согласно которой вся философия *лучшего сознания* переходит в понятия «отрицание воли» и «субъект чистого созерцания». Хотя нельзя и отрицать влияние лучшего сознания на формирование приведенных понятий философии воли, данные понятия вовсе не исключали на этапе своего возникновения ни онтологического дуализма, ни самого термина *лучшее сознание*. Однако всё более подробный анализ эмпирического сознания и феномена воли всё больше вытеснял *лучшее сознание* в область непознаваемого и невыразимого. Поэтому продуктивной точкой зрения видится здесь гипотеза, согласно которой воля мыслится как аналогия опыта, единственный легитимный способ познания внутреннего существа явлений эмпирического мира, однако не имеющий отношения к бытию *лучшего сознания*.

В конце текста диссертации сформулирована перспектива дальнейших научных исследований, направление которых обозначено полученными результатами:

- определение степени влияния на раннего Шопенгауэра христианской мистической литературы. В рамках этой работы христианские

эпитеты *лучшего сознания*, религиозная риторика Шопенгауэра, его цитирование комментариев Лютера и Августина, не получили должного истолкования. Дальнейшие исследования могли бы прояснить эту область;

- исследование развития понятия воли в философии Шопенгауэра. Данная работа продемонстрировала, что понятие воли не понималось Шопенгауэром а priori как первооснова бытия (Ursein). Генезис этого понятия гораздо более сложный, чем это обычно представляется исследователям;

- изучение истоков и генезиса замысла и системы метафизики воли в рамках дальнейшей интерпретации ранних манускриптов А. Шопенгауэра. Выявление дальнейших рецепций положений философии *лучшего сознания* в рамках метафизики воли;

- определение степени влияния восточной мистической литературы на трансформацию метафизики *лучшего сознания*. Влияние на Шопенгауэра ведической литературы общеизвестно, хотя в отечественной мысли не становилось предметом историко-философского исследования. В данной работе указанное влияние не рассматривалось, так как не входило в рамки исследования, тем не менее, первая актуализация понятия «майи» появляется уже в 1814 году и соответствует времени перехода онтологического дуализма к монизму воли.

Содержание и полученные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК РФ:

1. Манштейн А.А. Ранние манускрипты А. Шопенгауэра. Философема о лучшем сознании / А.А. Манштейн // Научное мнение. – 2023. – № 11. – С. 50-54. (0,4 п.л.)
2. Головин А.А. (Манштейн А.А.) Философия как истолкование. Герменевтика А. Шопенгауэра / А.А. Головин. // Вестник русской христианской академии. – 2022. – Т. 23, вып. 1. – С. 39-45. (0,4 п.л.)
3. Головин А.А. (Манштейн А.А.) Наука как призвание и профессия. Герменевтика и рефлексия / А.А. Головин. – Текст: непосредственный // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Том 57, вып. 3. – С. 190-200. (0,8 п.л.)
4. Головин А.А. (Манштейн А.А.) О влиянии Жан-Жака Руссо на философию А. Шопенгауэра / А.А. Головин. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2020. – Том 142, вып. 3. – С. 447-450. (0,3 п.л.)
5. Головин А.А. (Манштейн А.А.) Герменевтика Фр. Шлейермахера и ее

методологические и исторические основания / А.А. Головин. – Текст: непосредственный // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Том 20, вып. 2. С. 65-71. (0,5 п.л.)

Публикации в иных изданиях:

6. Головин А.А. (Манштейн А.А.) Этика Канта в осмыслении А. Шопенгауэра и В. Виндельбанда / А.А. Головин // XII Кантовские чтения. Кант и этика просвещения; исторические основания и современное значение: Тезисы докладов международной научной конференции (21–25 апреля 2019 года). – 2019. – С. 170-173.